

Визуальная социология

DOI: 10.19181/inter.2023.15.3.6

EDN: RDSQIU

Городские руины: визуальность социальных смыслов¹

Ссылка для цитирования:

Поликарпов Д. С., Пустовалова С. Ю., Сененко М. С. Городские руины: визуальность социальных смыслов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 3. С. 92–111. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.6> EDN: RDSQIU

For citation:

Polikarpov D. S., Pustovalova S. Yu., Senenko M. S. Urban Ruins: Visuality of Social Meanings. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 3. P. 92–111. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.3.6>

Поликарпов Дмитрий Сергеевич

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: polikarpov25@gmail.com

Пустовалова Светлана Юрьевна

Университет ИТМО,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: syupustovalova1@gmail.com

Сененко Мария Сергеевна

Государственный университет управления,
Москва, Россия
E-mail: msenenko@icloud.com

¹ Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Статья подготовлена победителями конкурса «Жизнь городских руин», организованного рабочей группой «Городская повседневность на микроуровне» (НИУ ВШЭ). Авторы выражают благодарность участникам рабочей группы и ее руководителю А. В. Стрельниковой за помощь в подготовке статьи.

Архитектурные руины в контексте городского ландшафта несут в себе множество смыслов и функций: они отражают изменения в сфере моды, безопасности, культурных ценностей, показывают своеобразную борьбу урбанизации и «обратного захвата» заброшенных мест растениями и животными. В статье предлагается анализ восприятия архитектурных руин в современной городской повседневности. Концептуализация выстраивается через такие функции и свойства городских руин, как обеспечение символического убежища для представителей определенных групп и символизация культурной травмы, то есть травмы социальной группы, связанной общей культурой и солидарностью. Опираясь на проведенные наблюдения, авторы описывают два кейса: руины недостроенного военного городка «Ольгино» в Санкт-Петербурге и руины кинотеатра «Энтузиаст» в Москве. Даются некоторые рекомендации для исследователей, заинтересованных в изучении городских руин.

Ключевые слова: руины; социология архитектуры; неформальные группы; эстетизация; культурная травма

Отношение к руинам в различные исторические периоды было неодинаковым. Так, в Римской империи руины воспринимались негативно, поскольку считалось, что они портят внешний вид городов, нарушая эстетичность ландшафта и даже являются «предвестниками смерти города» [Davoine, 2019: 15]. Руины не воспринимались в качестве объектов культурного наследия до эпохи Ренессанса, когда они стали впервые выступать в качестве памятника эпохи, который было необходимо сохранить, чтобы переосмыслить элементы построек и на основе этого синтезировать новые архитектурные стили [Зенкин, 2001: 6–16; Обухова, 2014: 182–189]. В последующие исторические периоды восприятие руин усложнялось, они могли восприниматься и как символ деградации человеческого общества, и как символ победы природных сил над человеческими достижениями, и как материальное свидетельство наличия у той или иной социальной группы (религиозной, этнической) своей независимой культуры и претензий на преемственность с прошлым, в том числе в форме эстетизации руин [Шёнле, 2018: 19–49]. Позднее появилось увлечение искусственными руинами, которые выступали украшением парков и усадеб. Во многом на это увлечение повлияло открытие руин Помпей, из-за чего произошло возвращение к античным представлениям об архитектуре.

Одной из первых социологических работ о городских руинах стало эссе Г. Зиммеля «Руины» (1913), в котором были заложены основы исследования подобных объектов [Зиммель, 1996: 227–234]. Зиммель размышляет о том, что «чистыми руинами» являются руины, разрушенные в ходе природных катаклизмов, так как они демонстрируют хрупкость созданного человеческими руками перед силой природы, а рукотворные руины не являются ими в полном смысле этого слова. Значение созданных людьми руин отличается приданием им абсолютно другого символического значения, в результате чего рукотворные руины Зиммель не обозначает в качестве «чистой руины».

А. Шпеер разработал особую «теорию руин», суть которой состояла в том, что здания должны проектироваться с учетом необходимости сохранять определенную функциональность и отражать эстетические особенности даже после разрушения. В случае природного разрушения руины могут интерпретироваться в контексте борьбы человека и природы [Murchadha, 2002: 10–18], в то время как в ситуации антропогенного формирования руин важно выявить причины, по которым строения были разрушены или же остались недостроенными. Можно продолжить эти идеи с опорой на современную градостроительную реальность, где здания могут оказаться недостроенными по различным причинам (например, банкротство застройщика или изменение статуса земли) и с течением времени превращаться в руины.

В данной статье мы рассматриваем два кейса, две руины, в которых проводились социологические наблюдения в декабре 2022 года. Первый кейс — руина кинотеатра «Энтузиаст» на юго-востоке Москвы — проанализирован М. Сененко. Второй кейс — руины военного городка «Ольгино», находящегося в Приморском районе Санкт-Петербурга, — проанализирован Д. Поликарповым и С. Пустоваловой. Примеры обеих руин интересны как своеобразные памятники эпохи: кинотеатр «Энтузиаст» был построен в конце 70-х годов прошлого века и работал по своему профилю не менее 20 лет, а военный городок остался недостроенным в момент распада СССР [Масленников, 2020: 72–76]. Таким образом, заброшенность данных территорий может соотноситься с судьбой страны, и, соответственно, по определению П. Штомпки, быть элементом культурной травмы [Штомпка, 2001: 6–16].

В ходе наблюдений мы вели «визуальные дневники» (как это описано у [Полухина, Стрельникова, Ваньке, 2020]), сочетая фотографии с ведением обычных записей и фиксируя как объективную картину, так и свои эмоции и размышления. Так как в ходе наблюдения в городском пространстве стоит расширить фокус внимания и приглядеться к окружению объекта [Стрельникова, Ваньке, 2017], мы старались понять:

- Какие здания находятся по соседству или на небольшом отдалении от наблюдаемого объекта? Чем они отличаются, чем схожи?
 - Как объект наблюдения визуально воспринимается на фоне его окружения? Выглядит ли он более притягательно, отталкивает или же вообще незаметен рядом с «соседями»?
 - Какие чувства испытывает исследователь, сравнивая руину с ее окружением? Каким он воспринимает себя, находясь рядом с руиной?
 - Как используется руина, кому и для чего она нужна в первую очередь?
- Результатом стало описание визуального образа руин, а также анализ их функций и свойств.

Концептуализация городских руин

В настоящее время руины рассматриваются как объекты коллективной памяти, памятники определенной эпохи или общественно-экономической формации [Martin, 2014: 1037–1046], места объединения неформальных групп

(например, формирование сообществ вокруг руин как элемента творчества или игры), территории временного проживания и, наконец, как объекты, эстетически украшающие город [Stanford, 2000: 28–43]. Новые технологии помогают сканировать разрушенные здания, что в дальнейшем позволяет облегчить создание модели руины для последующей реставрации [Tucsi, 2009] или же для архивного хранения этих данных¹. Некоторые исследователи предлагают также варианты ревитализации городских руин и дальнейшего использования заброшенных зданий, наполняя их новыми смыслами с подтекстом прошлого [Göbel, 2014]. Если появление руин соотносится с негативными обстоятельствами, то их можно рассматривать в качестве элемента коллективной памяти об определенном трагическом событии в истории местности, региона, государства [Le Blanc, 2010: 253–266]. Пик восприятия руин как символов культурной травмы приходится на вторую половину XX века [Аникин, 2021: 348–357]. Рост внимания к культурной травме возник с увеличением числа военных конфликтов, в процессе создания новых национальных государств. В ряде случаев руины появляются не в результате прямого сноса здания, а в результате отсутствия экономических ресурсов, которые можно использовать для эксплуатации здания.

Отметим, что символизация культурной травмы соседствует с эстетизацией руин, а иногда и активно замещается ею. В сознании ностальгирующих руины воспринимаются как образ культурной, духовной и интеллектуальной деградации (стагнации) общества на фоне прошлого, особенно если появление руин связано с трагичными для местности, региона или государства событиями [Абрамов, 2012]. Руины активно используются как источники вдохновения при создании постапокалиптических пространств в компьютерных играх и фильмах, поскольку они отражают невозможность человека противостоять природе или же собственным технологиям, разрушительный потенциал которых сравним с природными катаклизмами. Используя руины как основу произведений, создатели указывают на то, что даже процесс умирания имеет в себе аспекты эстетического, и тем самым может помочь справиться со страхом личной смерти и исчезновения человечества. Например, руинами вдохновлена игра «Death Stranding» [Green, 2022: 1–12] и ряд объектов культуры². Кроме того, эстетизация руин может выступать в качестве элемента самоидентификации. Яркий пример — появление «думеров», этим понятием обозначается неформальная группа любителей восточноевропейского постпанка и советской архитектуры, включая руины. Движение стало популярным в период с 2018 по 2020 год [Курихин, 2021: 126–132].

Благодаря цифровизации появился феномен виртуальных руин, под которыми понимаются заброшенные здания в играх, кино. В рамках медиапроизведений руины выполняют эстетическую функцию (то есть делают мир привлекательным для потребителя медиаконтента), эмоциональную (благодаря

¹ Digitalisation of Gede Ruins // African Digital Heritage. 2022. URL: <https://africandigitalheritage.org/digitisation-of-gede-ruins> (дата обращения: 05.04.2023).

² Megaliths in the Bath House Ruins // Awesome Inventions. 2019. URL: <https://www.awesomeinventions.com/the-megaliths-in-the-bath-house-ruins/> (дата обращения: 05.04.2023).

им игрок или зритель ощущает пространство произведения более живым, реальным), гносеологическую (людям интересно исследовать пространство и делать предположения по поводу формирования мира произведения; кроме того, часто творческие работы предполагают выход за рамки действительности за счет демонстрации выдуманных вселенных) и символическую (так как репрезентируют определенный этап развития вымышленной вселенной или реального мира, помещенного в пространство произведения) [Lenkevich, 2022].

Таким образом, эстетизация руины является важным свойством, отражающим ее популярность и символическую значимость. В ряде случаев руина эстетизируется из-за того, что она используется как локация для демонстрации различных видов искусства, наиболее распространенным из которых является граффити. Благодаря этому многие руины притягивают к себе художников и других представителей искусства, в результате чего руина может стать туристическим объектом и обрести вторую жизнь.

Руина кинотеатра «Энтузиаст» в Москве (Мария Сененко)

Кинотеатр «Энтузиаст» располагается в парке «Вешняки» и долгое время был на пути по одному из моих рутинных маршрутов (Рис. 1). То, что регулярно попадает на глаза, рано или поздно вызывает исследовательский интерес. На примере руины кинотеатра «Энтузиаст» я поделюсь своим опытом, как обыденные наблюдения трансформируются в социологические.

Рисунок 1. Кинотеатр «Энтузиаст».

Источник: группа «ВКонтакте», посвященная кинотеатру (май 2015 г.).

1. История кинотеатра: от постройки к руинизации

Руина — «музей одного здания», хранилище истории прошлого, интересное нам не только своим нынешним обликом, но и своей «прошлой жизнью». Поэтому важно навести исторические справки об изучаемом объекте. Кинотеатр «Энтузиаст» был построен в 1977 году по авторскому проекту и представлял собой здание в стиле советского модернизма. Он пережил тяжелые 1990-е годы и в 2003 был реконструирован: в кинотеатре появился малый зал, оборудованный акустическими и кинопроекционными технологиями, бильярдный клуб, игровые автоматы, столы для настольного тенниса, дартс и кафе. В том периоде времени это был крупный развлекательный комплекс, однако несколько лет спустя с кинотеатром стали происходить юридические метаморфозы, в которых непросто разобраться: сначала в нем расположился ГУК «Театр Иллюзии», который по сей день отмечен на онлайн-картах как организация, находящаяся в кинотеатре «Энтузиаст». Позже театр съехал, а здание в реестрах было отмечено пустующим и отдано под другой проект, который, в свою очередь, так и не был реализован. В 2016 году, за год до 40-летнего юбилея здания, кинотеатр забросили¹. Спустя еще пять лет, в 2021 году, было запланировано создать досуговый центр по адресу кинотеатра². Однако на момент моих наблюдений (декабрь 2022 года) никаких изменений с заброшенным зданием не произошло (Рис. 2).

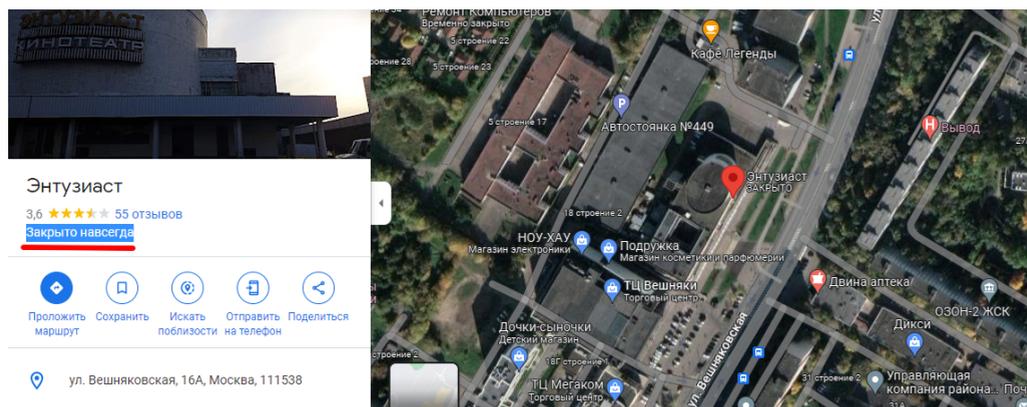

Рисунок 2. Скриншот с Google-карт и неутешительная надпись «Закрывается навсегда», коллаж автора.
Источник: Google-карты.

2. Люди, знакомые с руиной

Пусть и не глубинное интервью, но простой разговор с человеком, знакомым с руиной лучше нас, может помочь навести первые справки и получить впечатление о ней, которое впоследствии можно сравнить с нашим

¹ Москва. Сохраним киноконцертный зал Энтузиаст! // КПРОФ. 2021. URL: <https://kprf.ru/party-live/regnews/204737.html> (дата обращения: 06.02.2023).

² На месте кинотеатра «Энтузиаст» в Москве планируют открыть досуговый центр // ТАСС. 2021. URL: <https://tass.ru/moskva/12225403> (дата обращения: 06.02.2023).

собственным. Перед тем как посетить руину, я поговорила с подругой, которая часто проходит мимо этого здания. Она рассказала, что в поздние безоблачные вечера с открытой площадки в центре заброшенного кинотеатра можно смотреть на невероятное звездное небо. Романтизация и эстетизация руин — не новый и модный интернет-тренд. Такой взгляд на заброшенные и полуразрушенные здания излагал Георг Зиммель: «Руина же означает, что в исчезнувшее и разрушенное произведение искусства выросли другие силы и формы, силы и формы природы, и из того, что еще осталось в ней от искусства, и из того, что уже есть в ней от природы, возникла новая целостность, характерное единство» [Зиммель, 1996: 127].

Вдохновившись таким позитивным подходом, я отправилась к «Энтузиасту». Однако там меня ждало разочарование — наверное, дело в том, что я посетила руину при дневном свете и звезд не наблюдала. Находиться там было по-настоящему страшно. При первом приближении к руине довольно осторожного автора этих строк не покидало ощущение, что она ввязывается в сомнительную авантюру, которая может обернуться против нее. Признаю, что не развернуться назад, а сделать шаг навстречу, стоя перед кинотеатром, стоило усилий. Руина отнюдь не приветлива. Самое точное описание ощущения моей роли в этом месте — непрошенный гость, которому не стоило бы ступать на порог. Обойти руину со всех сторон и попробовать заглянуть внутрь меня заставлял лишь исследовательский интерес и уже проделанный путь.

Отмечу, что здание заброшенного кинотеатра, с одной стороны, должно было бы резко выделяться среди других своей беспризорностью: слева от него располагается остекленный торговый центр (в прошлом — типовой блочный универмаг, построенный в 1985 году, см. Рис. 3), справа — совсем новый футуристический скейтпарк и ухоженная аллея.

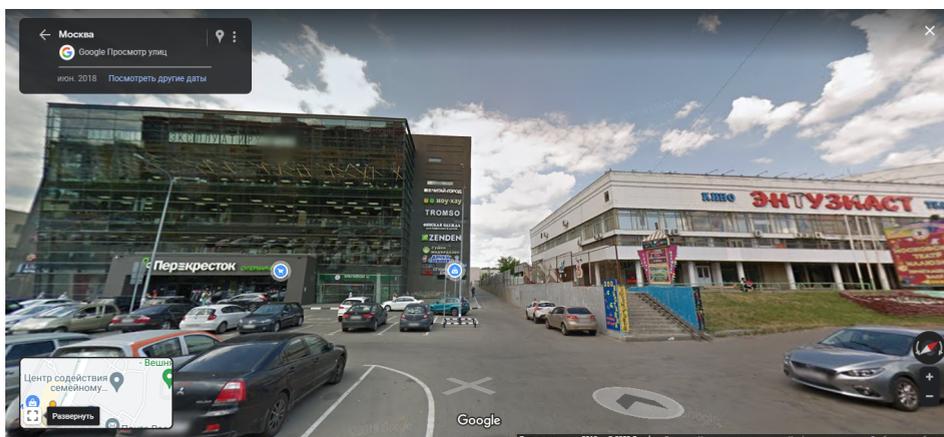

Рисунок 3. ТЦ «Вешняки», расположенный слева от кинотеатра, по состоянию на июнь 2018 года.

Источник: Google-карты.

Но, с другой стороны, здание кинотеатра настолько невзрачно по сравнению со своими «соседями», что не сразу осознаешь, что только что прошел мимо трехэтажного здания, а не просто пустыря — за него не цепляется взгляд (ни один из прохожих при дневном наблюдении и не взглянул в сторону руины).

3. Детальное описание наблюдений

К моменту описания самой руины нами уже был проделан большой путь: мы имеем представление о ее истории, изучили ее окружение, сравнили собственное первое впечатление о ней с впечатлением ее «давнего знакомого». Время переходить к самой волнительной части этого свидания. Список вопросов, на которые можно попробовать ответить при непосредственном наблюдении за руиной, безусловно, может варьироваться в зависимости от задач исследования. Я приведу те, которые помогли собрать более полную картину:

- Как руина выглядит с переднего фасада (обращенного к дороге)?
- Есть ли знаки, указывающее на ее назначение в «прошлой жизни»?
- Что мы увидим с других сторон, если ее обойти? Разнятся ли впечатления с передним фасадом?
- Как руина уживается с природой? Есть ли вокруг и внутри нее растения?
- Обитаема ли руина? Кем и почему?

Таким кинотеатр мы видим сегодня. Буквы в названии «Энтузиаст» отпали (или были намеренно сняты) с фасада, остались лишь их нечеткие очертания: название можно прочитать, только внимательно присмотревшись (см. Рис. 4).

Рисунок 4. Кинотеатр «Энтузиаст». Декабрь 2022 года.
Источник: фото М. С. Сененко.

Это наблюдение кажется метафорой общего впечатления от самой руины: несмотря на относительную «новизну», она уже не мыслится локальными жителями как функционирующее здание, ее эфемерное присутствие остается разве что в подсознании [Каледина 2021; Рудь 2019]. Плитка вокруг кинотеатра сместилась — где-то провалилась, где-то вздулась, наружу прорвалась трава (Рис. 5). По Зиммелю, разрушение совершается природой, но оно есть следствие запущения человеком [Зиммель, 1996].

Рисунок 5. Кинотеатр «Энтузиаст». Детали. Декабрь 2022.
Источник: фото М. С. Сененко.

Бетонные ступени, ведущие ко входу, потрескались и покосились, краска на них облезла (по словам местной жительницы, с которой мне удалось побеседовать, ступени красили в 2021 году, однако краска не пережила зиму). Вокруг много мусора, еще совсем «свежего», битых бутылок, свидетельствующих о том, что внешнюю территорию кинотеатра облюбовали маргинальные группы или же лица без определенного места жительства. По неосторожности можно наступить на кучи битого стекла — очевидно, осколки когда-то были окнами кинотеатра, которые теперь закрыты плотным материалом. Некогда бывший «третьим местом» района [Ольденбург, 2014], любимым всеми возрастами, «Энтузиаст» теперь опасен, особенно для детей, которые, руководствуясь любопытством, а отнюдь не правилами безопасности, могут пораниться или получить травмы, играя здесь. Территория кинотеатра не огорожена забором или предупреждающими лентами, а значит, на нее легко можно проникнуть.

На дверях висят замки, наружные лестницы перекрыты. Фасад и поддерживающие его колонны утопают в разноцветных граффити, хоть как-то разбавляющих ощущение серости и уныния, навеваемое некогда оживленным,

а теперь одиноким и никому не нужным кинотеатром. Следовало бы ожидать, что в здании, все же твердо стоящем на своем фундаменте и защищенном от ветра и холода, должен кто-то обитать, однако внутри оно пусто — неинтересное даже животным.

Во внутреннем дворе кинотеатра до сих пор висят указатели, ведущие к кассам и залам, и афиши — «Маленькие для маленьких» и «Московское шоу зверей». До них не добрались стрит-арт-художники — слишком высоко. Плакаты, эти своеобразные артефакты, сохранились практически полностью — лишь выцвела краска из-за их нахождения на открытом пространстве.

Как я упомянула выше, около кинотеатра мне удалось пообщаться с местной жительницей. Женщина приняла меня за журналистку. О. Запорожец приводит суждение, что социологу лучше всего «сыграть» роль туриста — она вполне объяснит интерес к району и не вызовет подозрений или недоверия [Запорожец, 2007]. В ходе нашего разговора я убедилась, что при обследовании руин и заброшенных зданий подходит роль журналиста или корреспондента. В моем случае местная жительница выразила надежду на освещение проблемы с заброшенным кинотеатром в СМИ для его последующего восстановления. «Энтузиаст» для нее — место памяти [Стрельникова, 2012: 231–238]. Моя информантка рассказала, что много лет назад, еще живя в другом районе, она часто посещала этот кинотеатр со своей семьей. По ее словам, кинотеатр «чудесный, невероятный», некогда был одним из любимейших у москвичей: «Люди приезжали сюда со всех районов города всей семьей». Я задала вопрос, поддерживает ли кто-то порядок в здании. На это женщина рассказала, что в прошлом году перед кинотеатром закрасили граффити на ступенях — но спустя год это совсем не заметно.

На мой взгляд, перспективы у «Энтузиаста» неутешительные — район активно обрастает новыми торговыми центрами и общественными площадками, и рано или поздно эта земля заинтересует застройщиков — здесь может вырасти жилой дом-«свечка» или новый торговый центр. Цифровизация кинотеатров и рост онлайн-рынка диктуют новые условия жизни для офлайн-сегмента: восстанавливать кинотеатр попросту нерационально, о чем свидетельствует неутешительная статистика закрывшихся или остановивших показ московских кинотеатров в 2022 году¹. Однако вероятен и более благоприятный исход — редевелопмент и реализация идеи превращения недействующего кинотеатра в досуговый центр, где дети и подростки могли бы посещать кружки, интересные лекции и спортивные секции. К сожалению, пока что «Энтузиаст» представляет угрозу для своих посетителей — в частности, тех же детей и подростков, известных своей любовью к заброшенным зданиям.

Архитектурный стиль «Энтузиаста», все же читаемый, несмотря на его обветшалость, представляет собой особую культурную ценность ушедшей советской эпохи.

¹ В России закрыли 125 кинотеатров в 2022 году // Чемпионат. 2022. URL: <https://www.championat.com/cybersport/news-4819695-v-rossii-zakryli-125-kinoteatrov-v-2022-godu.html> (дата обращения: 06.02.2023).

Руина недостроенного военного городка «Ольгино» в Санкт-Петербурге (Дмитрий Поликарпов, Светлана Пустовалова)

Недостроенный военный городок, находящийся в Приморском районе Санкт-Петербурга рядом с поселком Ольгино, имеет одноименное название — «Ольгино», под которым известен и как полигон для страйкбола. Наше посещение этого места отчасти было вызвано исследовательским любопытством: при онлайн-поиске интересных мест в этом районе неожиданно оказалось, что эти руины имеют большое число положительных отзывов.

Охраны у данного места не оказалось, поэтому мы спокойно смогли попасть на территорию. Ближайшие жилые дома отделены дорогой как своеобразной символической преградой.

1. Эстетика и травма

Руина в Ольгино размечена граффити как в виде больших композиций, так и в виде небольших надписей, понятных только посвященным. Обращает на себя внимание карикатурный образ капиталиста-всадника верхом на кабане, снаряженного различными предметами-символами: игла, оружие, деньги, орудия труда, весы (Рис. 6).

Рисунок 6. Граффити. Изображение, подписанное анонимными художниками. Возможно, автор (индивид, группа) — «Энтропия». Источник: фото Д. С. Поликарпова и С. Ю. Пустоваловой.

Одной из возможных трактовок смысла данного граффити является презентация негативного отношения к капитализму, так как шляпы-футляры и деловой костюм часто фигурируют в карикатурах в качестве атрибутов богатых собственников, а кабан является символом денег, стремительности и ярости в большинстве европейских культур. Можно предположить, что автор хотел показать свое критическое отношение к капиталистическому контролю над основными сферами производства.

Вдохновляясь образами руин, представители различных субкультур стремятся переосмыслить отношение людей к миру и предостеречь от использования опасных технологий. Например, в руинах Ольгино мы обнаружили знак «SCP база» (Рис. 7). SCP — это международная вымышленная организация («Обезопасить. Удержать. Защитить, или же Особые условия содержания») [Roca, 2021: 29]. Название структура получила в честь одноименной интернет-истории про тайное общество, защищающее некий опасный для обывателей объект. Согласно легенде проекта, Фонд защищает рядовых граждан, изучает подозрительные объекты, высылая для ознакомления с ними мобильные оперативные группы, и затем создает инструкции для их безопасного использования. Под объектами Фонда обозначаются аномалии реального мира, включая одушевленные и неодушевленные объекты, которые затем переводятся в виде текстовой заметки в крупную базу данных. В реальном мире объекты не представляют никакой угрозы, но с помощью цифровых технологий люди создают истории, которые должны напугать других, и таким образом это становится частью городского фольклора. Данный проект пользуется популярностью у пользователей со всего мира, которые могут поучаствовать в проекте, если их статья пройдет модерацию. Так как на стене здания в военном городке указано, что данная территория является объектом базы SCP, следовательно, о данной руине сложена городская легенда и распространена в сообществе тех, кто вовлечен в проект SCP.

Рисунок 7. Граффити. Логотип вымышленной организации.
Источник: фото Д. С. Поликарпова и С. Ю. Пустоваловой.

Руина в военном городке выступает в качестве символа культурной травмы, так как она появилась в результате распада СССР. Строительство военного городка на данной территории перестало быть актуальным, требовало значительных экономических ресурсов, которые в процессе последней стадии развития советского государства истощались. Таким образом, руина стала памятником, отражающим архитектурный стиль эпохи перестройки, а также символом распада государства. Именно поэтому руины городка использовались некоторыми субкультурами, например страйкболистами, предпочитающими ролевые игры, то есть те, в которых есть определенный контекст происходящего, а сами роли либо базируются на художественном произведении, либо вдохновляются выбранной эпохой. Руина городка выступала площадкой для игр, посвященных советской эпохе 1980-х годов.

Кроме того, руина отражает конкуренцию среди неформальных сообществ страйкболистов, поскольку, как нам удалось выяснить, ранее Ольгино было одним из наиболее часто используемых для страйкбола полигонов в Санкт-Петербурге. С ростом посещаемости данной площадки посторонними (в том числе «конкурентами» — хардболистами) страйкболисты стали отдавать предпочтение иным площадкам, поскольку появились специализированные площадки для занятия страйкболом, а также расширилось количество иных доступных заброшенных зданий. Тем не менее площадка закрепила за собой статус символа начального этапа развития страйкбола в Санкт-Петербурге¹.

Особенностью рассматриваемой руины является разрушение большинства зданий до фундамента. В весенне-летний период на территории (в том числе и в фундаменте) растут деревья и образуются пруды, в результате чего площадка теряет большинство своих функциональных возможностей (Рис. 8, 9). От ряда построек также сохранились разбросанные кирпичи. Можно сказать, что у руин имеется сезонный цикл по истечении которого они теряют функционал.

2. Люди, знакомые с руиной

На примере руины в «Ольгино» можно увидеть, что ее используют сразу несколько неформальных групп. Во-первых, это авторы стрит-арта. Граффити на здании, вероятно, было сделано группой людей, так как для создания изображения на такой высоте требуется техника — страховочные средства и др. Также данная руина объединяет фотографов, специализирующихся на архитектурной тематике², волонтеров-реставраторов и любителей эстетики заброшенных сооружений³, исследователей заброшенных зданий (сталкеров, постпаломников, руферов, диггеров) и уже упомянутых ранее страйкболистов и хардболистов.

Мы предполагаем, что перечисленные категории людей, заинтересованных в посещении руин, можно обнаружить и при рассмотрении других примеров заброшенных зданий. Одним из основных мотивов посетителей руин мы предполагаем стремление получить яркие эмоции за счет соприкосновения с тем,

¹ Страйкбол СПб / полигон Ольгино // ВКонтакте. URL: <https://m.vk.com/airsotfopen> (дата обращения: 05.04.2023).

² RR: ruin_renewal_squad // Telegram. URL: <https://t.me/ruinrenewal> (дата обращения: 05.04.2023).

³ Хранители руин // ВКонтакте. URL: <https://m.vk.com/ruin.keepers> (дата обращения: 05.04.2023).

Рисунок 8. Пруд на месте наблюдения (руины в «Ольгино»).
Источник: фото Д. С. Поликарпова и С. Ю. Пустоваловой.

Рисунок 9. Изображение уцелевшего здания.
Источник: фото Д. С. Поликарпова и С. Ю. Пустоваловой.

что ассоциируется с разрушением, а порой и с опасностью [Тимофеева, 2018]. Например, в сообществах «Тени Прошлого»¹ в социальной сети «ВКонтакте» и «Заброшки России»² в «Телеграме» люди, называющие себя сталкерами, делятся фотографиями и впечатлениями от своих прогулок по заброшенным зданиям. Оба сообщества включают в себя постпаломников, то есть людей, интересующихся заброшенными культовыми зданиями. Также в ходе изучения темы мы обнаружили группы людей, заинтересованных в заброшенных зданиях: например, диггеры (увлеченные руинами подземных построек³, руферы (интересующиеся крышами зданий)⁴. Еще один мотив может быть связан с тем, что появление деревьев, травы, животных на месте руин способствует преодолению у людей страха смерти, поскольку это воспринимается как символ победы природы и, соответственно, живого над тем, что ощущается мертвым и искусственным, то есть над руинами, а следовательно — победы жизни над смертью [Зиммель, 1996: 227–231].

Вместо заключения. Особенности полевого наблюдения городских руин: подготовка к встрече с неизвестным

Мы обнаружили некоторые различия в функциях и свойствах изученных нами руин. В городском пространстве руины кинотеатра «Энтузиаст» незаметны, есть лишь минимальные следы ее использования (в качестве площадки для граффити и места для распития различных напитков). Напротив, руина военного городка оказалась многофункциональной и востребованной представителями различных социальных групп: руина выступает в качестве творческой площадки для современного искусства, самопрезентации индивидов, площадки для объединения субкультуры страйкболистов, использующих руину для рекреационных целей. Посетители данной руины представляют собой микросообщества по интересам, основным из которых является стремление получить новые эмоции в заброшенном и в ряде случаев опасном пространстве. Причины выявленных различий в функционале руин требуют дальнейшего анализа.

Как мы убедились на своем опыте, полевое исследование городских руин имеет свои особенности. Приведем несколько предупреждающих рекомендаций для других исследователей, которые, возможно, захотят повторить опыт наблюдения за руиной. Такое наблюдение не похоже на прогулку, поэтому всегда помните об осторожности.

1. Необходимо произвести предварительную разведку и найти данные о безопасности здания: когда оно было построено, находится ли в аварийном состоянии, есть ли опасность обрушения. Определите, на каком расстоянии от руины безопасно находиться.

¹ Тени прошлого // ВКонтакте. URL: <https://m.vk.com/shadowsotp> (дата обращения: 05.04.2023).

² Заброшки России // ВКонтакте. URL: https://t.me/zabroshki_rossii (дата обращения: 05.04.2023).

³ Диггеры и сталкеры Санкт-Петербурга // ВКонтакте. URL: <https://m.vk.com/spbstalkerclub> (дата обращения: 05.04.2023).

⁴ Открытые крыши // ВКонтакте. URL: https://m.vk.com/wall-153782144_12206 (дата обращения: 05.04.2023).

2. Приготовьте инвентарь и экипировку: зарядите мобильный телефон, камеру, фонарик, записывающее устройство (если вы ведете аудиодневник наблюдения или собираетесь брать интервью у местных жителей или посетителей руины). Наденьте удобную одежду и прочную обувь, возьмите с собой питьевую воду. Сообщите родным, знакомым или коллегам, куда отправляетесь.
3. Необходимо соблюдать предельную осторожность: смотреть под ноги, прислушиваться к посторонним звукам — это может предотвратить травмы и необратимые последствия. Руины могут быть обитаемы — людьми или бродячими животными. Заранее подготовьте себя к возможной встрече с ними.

Мы надеемся, что наш опыт вдохновит новых исследователей и поможет увидеть в других руинах отражение эстетических вкусов, символику прошлого и особый набор черт, притягивающих различные субкультуры.

Литература

- Абрамов Р. Н.* Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5–23. EDN: [PUQRQZ](#)
- Аникин Д. А.* Руины прошлого: визуализация культурной травмы как социальный феномен // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22. № 1. С. 348–357. DOI: <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.22.1.025> EDN: [FGEQXX](#)
- Запорожец О. Н.* Визуальная социология: контуры подхода // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2007. Т. 3. № 4. С. 33–43. EDN: [VKBVLZ](#)
- Зенкин С. Н.* Французский романтизм и идея культуры. М.: РГГУ, 2001.
- Зиммель Г.* Избранное. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996.
- Каледина А. С.* Эстетические факторы влияния заброшенных зданий на человека // Наука, образование и экспериментальное проектирование. 2021. С. 362–364.
- Курихин А. А.* Постсоветская урбанистическая архитектура в современной интернет-культуре и актуальном искусстве как метафора невозможности избавиться от влияния предыдущих культурных парадигм // Медиафера и медиаобразование: специфика взаимодействия в современном социокультурном пространстве: сборник научных статей. М.: Могилевский институт МВД, 2021. С. 126–132.
- Масленников А. А., Тесленок С. А.* Классификация, характеристика и картографирование заброшенных военных городков // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. № 1. С. 72–76. EDN: [NGZDWI](#)
- Обухова И. Ф.* У истоков изучения готической архитектуры: Жак-Жермен Суффло и коллегиальная церковь Богоматери в Мант-ла-Жоли // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 126. № 2. С. 182–189. EDN: [SGOZBZ](#)
- Ольденбург Р.* Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Полухина Е. В., Стрельникова А. В., Ваньке А. В.* «Визуальный дневник»: как фотоданные репрезентируют контекст полевого исследования // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 1. С. 96–117. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.6> EDN: [EYXFX Y](#)
- Рудь Д. С.* Конструирование локальной памяти о городском пространстве: анализ мнемонических интернет-сообщений о районе Шаболовки // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. Т. 11. № 18. С. 34–54. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.18.3>
- Стрельникова А. В., Ваньке А. В.* Полевое исследование индустриального района: стратегии сбора и анализа визуальных данных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. Т. 9. № 13. С. 51–72. EDN: [ZHATQH](#)

Стрельникова А. В. Социология города: пространственные практики и жизненные траектории. М.: Тривант, 2012. EDN: [RBDXXR](#)

Тимофеева С. О. Архитектурные руины как объект туризма // Туризм: технологии & тренды. Е.: Издательство Уральского университета, 2018. С. 229–235.

Шёнле А. Архитектура забвения: Руины и историческое сознание в современной России / Пер. с англ. А. Степановой. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

Blanc A. The Conservation of Traumatic Urban Ruins: An Ambiguous Marker of Urban History // L'Espace géographique. 2010. Vol. 39. № 3. P. 253–266.

Davoine C. Les Ruines Contre La Ville: L'idéal Urbain à L'épreuve Des Destructures Dans Le Monde Romain // Histoire urbaine. 2019. Vol. 58. № 2. P. 15–28.

Green A. M. Longing, Ruin, and Connection in Hideo Kojima's Death Stranding. Milton Park: Routledge, 2022.

Göbel H. K. The Re-Use of Urban Ruins: Atmospheric Inquiries of the City. New York: Routledge, 2014. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315756455>

Lenkevich A. S. Low-level Eschatology: Ruins in Computer Games // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Vol. 4. № 3. P. 134–156. DOI: <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i3.317>

Martin D. Introduction: Towards a Political Understanding of New Ruins // International Journal of Urban and Regional Research. 2014. Vol. 38. № 3. P. 1037–1046. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12116>

Murchadha F. Ó. Being as Ruination: Heidegger, Simmel, and the Phenomenology of Ruins // Philosophy Today. 2002. Vol. 46. P. 10–18. DOI: <https://doi.org/10.5840/philtoday200246Supplement2>

Roca A. G. The SCP Foundation's Role in the Development of Academic Literacy and the Promotion of Reading and Creative Writing // Enero-junio. 2021. Vol. 51. № 1. P. 29–42. DOI: <https://doi.org/10.30827/publicaciones.v51i1.16488>

Stanford C. On Preserving our Ruins // Journal of Architectural Conservation. 2000. Vol. 6. № 3. P. 28–43. DOI: <https://doi.org/10.1080/13556207.2000.10785278>

Tucci G. New Technologies for Surveying Building Ruins // CIPA 2009 XXII International Symposium, Digital Documentation, Interpretation & Presentation of Cultural Heritage. Kyoto: Yutaka Takase, 2009.

Сведения об авторах:

Поликарпов Дмитрий Сергеевич — магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** polikarpov25@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** [1178413](#); **ORCID ID:** [0000-0001-7287-8443](#).

Пустовалова Светлана Юрьевна — магистрант, Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** chbrngr@gmail.com. **ORCID ID:** [0000-0002-8325-1109](#).

Сененко Мария Сергеевна — бакалавр, Государственный университет управления, Москва, Россия. **E-mail:** msenenko@icloud.com.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2023

Принята к публикации: 10.09.2023

БАК: 5.4.6

Urban Ruins: Visuality of Social Meanings

DOI: 10.19181/inter.2023.15.3.6

- Dmitrij S. Polikarpov** HSE University, St. Petersburg, Russia
E-mail: polikarpov25@gmail.com
- Svetlana Yu. Pustovalova** ITMO University, St. Petersburg, Russia
E-mail: syupustovalova1@gmail.com
- Mariya S. Senenko** The State University of Management, Moscow, Russia
E-mail: msenenko@icloud.com

Architectural ruins in the context of the urban landscape carry many meanings and functions: they reflect changes in fashion, security, cultural values, and show the peculiar struggle of urbanization and the “recapture” of abandoned places by plants and animals. The article offers an analysis of the perception of architectural ruins in modern urban everyday life. Conceptualization is built through such functions and properties of urban ruins as providing a symbolic refuge for representatives of certain groups and symbolizing cultural trauma, i.e. trauma of a social group bound by a common culture and solidarity. Based on the observations, the authors describe two cases: the ruins of the unfinished military camp “Olgino” in St. Petersburg and the ruins of the “Enthusiast” cinema in Moscow. Some recommendations are provided for researchers interested in studying urban ruins.

Keywords: ruins; sociology of architecture; informal groups; aestheticization; cultural trauma

References

- Abramov R.N. (2012) Vremya i prostranstvo nostalgii [Time and Space of Nostalgia]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4. P. 5–23. (In Russ.)
- Anikin D.A. (2021) Ruiny proshlogo: vizualizaciya kulturnoj travmy kak socialnyj fenomen [The Ruins of the Past: Visualization of Cultural Trauma as a Social Phenomenon]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* [Russian Christian Academy for the Humanities]. Vol. 22. No. 1. P. 348–357. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.22.1.025>
- Blanc A. (2010) The Conservation of Traumatic Urban Ruins: An Ambiguous Marker of Urban History. *L'Espace géographique*. Vol. 39. No. 3. P. 253–266.
- Davoine C. (2019) Les Ruines Contre La Ville: L'idéal Urbain à L'épreuve Des Destructures Dans Le Monde Romain. *Histoire Urbaine*. Vol. 58. No. 2. P. 15–28.
- Green A.M. (2022) *Longing, Ruin, and Connection in Hideo Kojima's Death Stranding*. Milton Park: Routledge.
- Göbel H.K. (2014) *The Re-Use of Urban Ruins: Atmospheric Inquiries of the City*. New York: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315756455>
- Kaledina A.S. (2021) Esteticheskie faktory vliyaniya zabroshennykh zdaniy na cheloveka [Aesthetic Factors of Influence of Abandoned Buildings on Human]. *Nauka, obrazovanie i eksperimentalnoe proektirovanie* [Science, Education and Experimental Design]. P. 362–364. (In Russ.)
- Kurihin A.A. (2021) Postsovetskaya urbanisticheskaya arhitektura v sovremennoj internet-kulture i aktualnom iskusstve kak metafora nevozmozhnosti izbavitsya ot vliyaniya predydushhih kulturnykh paradigam [Post-Soviet Urban Architecture in Modern Internet Culture and Contemporary Art as a Metaphor for the Impossibility of Getting Rid of the Influence of Previous Cultural Paradigms].

Mediasfera i mediaobrazovanie: specifika vzaimodejstviya v sovremennom sociokul'turnom prostranstve: sbornik nauchnyx statej [Media Sphere and Media Education: Specifics of Interaction in the Modern Socio-Cultural Space: Collection of Scientific Articles]. Mogilev: Mogilev Institute of the MIA. P. 126–132. (In Russ.)

Lenkevich A. S. (2022) Low-level Eschatology: Ruins in Computer Games. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. Vol. 4. No. 3. P. 134–156. DOI: <https://doi.org/10.46539/gmd.v4i3.317>

Martin D. (2014) Introduction: Towards a Political Understanding of New Ruins. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 38. No. 3. P. 1037–1046. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12116>

Maslennikov A. A., Teslenok S. A. (2020) Klassifikaciya, karakteristika i kartografirovaniye zabroshennykh voennykh gorodkov [Classification, Characterization, and Mapping of Abandoned Military Towns]. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i socialno-ekonomicheskikh nauk* [Actual Problems of the Humanities and Socio-Economic Sciences]. No. S1. P. 72–76. (In Russ.)

Murchadha F. Ó. (2002) Being as Ruination: Heidegger, Simmel, and the Phenomenology of Ruins. *Philosophy Today*. Vol. 46. P. 10–18. DOI: <https://doi.org/10.5840/philtoday200246Supplement2>

Obukhova I. F. (2014) U istokov izucheniya goticheskoy arhitektury: Zhak-Zhermen Sufflo i kollegialnaya cerkov Bogomateri v Mant-la-Zholi [At the Origin of the Study of Gothic Architecture: Jacques-Germain Soufflot and The Church of the Our Lady in Mante-la-Jollie]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture]. Vol. 126. No. 2. P. 182–189. (In Russ.)

Oldenburg R. (2014) *Tret'e mesto: kafe, kofejni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta "tusovok" kak fundament soobshhestva* [Third Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Beauty Salons and Other Places of "Hangouts" as the Foundation of the Community]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Polukhina E. V., Strelnikova A. V., Vanke A. V. (2020) "Vizualnyj dnevnik": kak fotodannye reprezentiruyut kontekst polevogo issledovaniya [Visual Diary: How Photos Represent the Context of Field Research]. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No. 1. P. 96–117. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.6>

Roca A. G. (2021) The SCP Foundation's Role in the Development of Academic Literacy and the Promotion of Reading and Creative Writing. *Enero-junio*. Vol. 51. No. 1. P. 29–42. DOI: <https://doi.org/10.30827/publicaciones.v51i1.16488>

Rud D. S. (2019) Konstruirovaniye lokalnoj pamyati o gorodskom prostranstve: analiz mnemonicheskikh internet-soobshhenij o rajone Shabolovki [Memory Construction of the Local Space: Analysis of Mnemonic Online Messages on Shabolovka District]. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 11. No. 18. P. 34–54. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.18.3>

Shtompka P. (2001) Socialnoe izmeneniye kak travma (statya pervaya) [Social Change as a Trauma (Article One)]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1. P. 6–16. (In Russ.)

Shyonle A. (2018) *Arhitektura zabveniya: Ruiny i istoricheskoe soznanie v modernoj Rossii* [The Architecture of Oblivion: Ruins and Historical Consciousness in Modern Russia]. Transl. from Eng. by A. Stepanova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Simmel G. (1996) *Izbrannoe. Sozercanie zhizni* [Selected Works. Contemplation of Life]. Moscow: Yurist. (In Russ.)

Stanford C. (2000) On Preserving our Ruins. *Journal of Architectural Conservation*. Vol. 6. No. 3. P. 28–43. DOI: <https://doi.org/10.1080/13556207.2000.10785278>

Strelnikova A. V. (2012) *Sociologiya goroda: prostranstvennye praktiki i zhiznennyye traektorii* [Urban Sociology: Spatial Practices and Life Trajectories]. Moscow: Trovant. (In Russ.)

Strelnikova A. V., Vanke A. V. (2017) Polevoe issledovaniye industrialnogo rajona: strategii sbora i analiza vizualnykh dannykh [Field Research of an Industrial Neighborhood: the Strategies of Visual

Data Collection and Analysis]. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 9. No. 13. P. 51–72. (In Russ.)

Timofeeva S.O. (2018) Arhitekturnye ruiny kak obekt turizma [Architectural Ruins as Tourism Resource]. *Turizm: tekhnologii & trendy* [Tourism: Technologies & Trends]. Ekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta. P. 229–235. (In Russ.)

Tucci G. (2009) New Technologies for Surveying Building Ruins. In: *CIPA 2009 XXII International Symposium, Digital Documentation, Interpretation & Presentation of Cultural Heritage*. Kyoto: Yutaka Takase.

Zaporozhets O.N. (2007) Vizualnaya sociologiya: kontury podhoda [Visual Sociology: Contours of the Approach]. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 3. No. 4. P. 33–44. (In Russ.)

Zenkin S.N. (2001) *Francuzskij romantizm i ideya kul'tury* [French Romanticism and the Idea of Culture]. Moscow: RGGU. (In Russ.)

Authors bio:

Dmitrij S. Polikarpov — Master Student, HSE University, Saint-Petersburg, Russia. **E-mail:** polikarpov25@gmail.com. **RSCI Author ID:** 1178413; **ORCID ID:** 0000-0001-7287-8443.

Svetlana Yu. Pustovalova — Master Student, ITMO University, Saint-Petersburg, Russia. **E-mail:** chbrngr@gmail.com. **ORCID ID:** 0000-0002-8325-1109.

Mariya S. Senenko — Bachelor in Sociology, The State University of Management, Moscow, Russia. **E-mail:** msenenko@icloud.com.

Received: 16.02.2023

Accepted: 10.09.2023